

***Message: Чусовая* Алексея
Иванова — гибридное
сообщение времен
реставрации эпохи
постистории**

Message: Chusovaya River
by Alexei Ivanov: a Hybrid
Message of the Restoration
Period in the Era of Post-history

Статья посвящена проблеме отношений между художественным осмыслением действительности (фикция) и документальной прозой (нон-фикшн) в рамках творчества современного русского прозаика Алексея Иванова. На примере его публицистической монографии об уральской реке Чусовой (2007) мы намерены показать, как гибридизация дискурсивного осмысления современной и исторической действительности, уже отмеченная другими исследователями как характерная черта его романов, проявляется в его публицистике и как при этом используются традиционные, «научные» дискурсы географии и историографии.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ, УРАЛЬСКИЙ
ТЕКСТ, НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ГИБРИДЫ, НОН-ФИКШН

The article focuses on the problem of the relationship between artistic representation of reality (fiction) and documentary prose (non-fiction) in the work of the modern Russian prose writer Alexei Ivanov. Using the example of his book on the Ural's Chusovaya River (2007), we intend to show how the hybridization of discursive interpretation of contemporary and historical reality, already noted by other researchers as a characteristic feature of his novels, manifests itself in his documentary prose, and how traditional, "scientific" discourses of geography and historiography are used in new, hybrid form.

ALEXEY IVANOV, URAL TEXT,
SCIENTIFIC AND ART
HYBRIDS, NON-FICTION

В статье мы намерены рассмотреть один из случаев современного изменения границ между художественным осмыслением действительности (фикция) и документальной прозой (нон-фикшн). Достаточно распространенное явление стереоскопического дискурсивного осмысления исторической и современной действительности в художественных и публицистических жанрах, конечно, не является особенностью дискурсивной ситуации современности, но явное подчеркивание параллельности двух авторских обработок одной темы у разных популярных современных писателей (наряду с А. Ивановым примерно та же схема применяется и в «историографии» Б. Акунина) делает постановку вопроса об особенностях подобных современных жанровых гибридов и их значении в современной культуре, на наш взгляд, обоснованной и заслуживающей внимания. В рамках общей схемы ивановского параллельного дискурсивного осмысления исторического прошлого Урала пара обсуждаемых нами произведений — путеводитель *Message: Чусовая* (2007) и роман *Золото бунта, или Вниз по реке теснин* (2007) — вызывает особый интерес, так как в этом случае публицистическая (или нон-фикшн) часть дискурсивной пары, с точки зрения жанровой гибридации, намного интересней литературной («романной») части.

Творчество Алексея Иванова за последние два десятилетия вызывает большой читательский интерес, о нем уважительно и порой с недоумением отзываются критики, как главным современным представителем уральского текста русской культуры им давно интересуются литературоведы. Вопросы художественной словесной

репрезентации реального и символического (знакового, семиотического) пространства Урала и Приуралья, традиционно обсуждаемые в русской семиотике (см. Абашев 2000), в последнее время ставятся в рамках исследований геоэтики (Абашев 2012: 57–72).¹ Наряду с вопросами о принципах трансформации реального географического и семиотического пространства в его литературных репрезентациях все чаще также обсуждаются и вопросы о влиянии этих произведений искусства на реальную и символическую географию региона (вплоть до анализа прагматического влияния литературного творчества на экономическую обстановку — см. Абашев, Фирсова 2013). А. Иванов пишет о реальном географическом пространстве и об истории, наполняющей это пространство смыслами и сформировавшей тем самым пласт пространственно-временных отношений, выходящий за рамки традиционных представлений об отношениях истории и географии. В исконном смысле слова этот новый тип дискурсивного осмысления и есть география, но, чтобы отличить это понимание от географии как фундаментальной науки и указать на его современную и в то же время архаическую природу, может быть, здесь целесообразно применение неологизма *гео-графия* или архаизма *землепись*). Творчество А. Иванова во многом читается как своеобразная демонстрация тех принципов, о которых рассуждает современное литературоведение. Так называемый пространственный поворот, обозначающий сдвиг фокуса гуманитарных наук с времени на пространство, в литературоведении является не простой субституцией ранее доминантной исторической перспективы новыми методами пространственного анализа, а скорее, уточнением и усложнением представлений о пространственной и исторической контекстуализации любого дискурсивного маркирования реального или

1
 Попадаются и работы, в которых на самом деле очень трудно понять, в чем суть этого «актуального в настоящее время направления в литературоведении» (Иванова, Сафонова: 184) и почему несколько довольно тривиальных замечаний о пространственных характеристиках художественного текста является исследованием в области геоэтики.

воображаемого пространства. Современное литературоведение «читает историю литературы через пространство, в котором разнородные антропогенные факторы данной среды переплетаются с природными условиями и процессами: пространство поэтому историчное, а история — пространственная» (Juvan 2013: 15). Помимо осознания «пространственности» истории и историчности пространства именно в литературоведении, в котором давно возник интерес к онтологическому статусу воображаемых пространств, началась обсуждаться проблема взаимоотношений пространственно-временных координат художественной прозы не только с точки зрения трансформаций реального пространства и времени в художественном образе, но и в связи с влиянием художественных (и остальных дискурсивных) трансформаций пространств и времен на общую (т. е. не литературную, нон-фикшн) концептуализацию пространства-времени.

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

В качестве одного из аспектов пространственного поворота в гуманитарных науках, часто упоминается интерес к географии как к науке, объединяющей принципы гуманитарных и естественных наук. Используя методы дисциплины, давно изучающей как явления физического мира, так и «разнородные антропогенные факторы», влияющие на мир и оставляющие свой след в пространстве, гуманитарные науки старались преодолеть субъективность и дискурсивную условность разных форм историографии, на которые раньше опиралось гуманитарное сознание, и найти более прочные рамки для контекстуализации своих наблюдений. Но то, что началось как попытка деисторизации гуманитарных наук,

обернулось своеобразной «историзацией» географии, во всяком случае той ее части, которая включается в орбиту гуманитарного осмысления пространства. Гуманитарные науки постепенно осознавали свою зависимость от языка как общей модели постижения действительности и от нарратива как основного способа оформления гуманитарных знаний в некое условное целое. В двадцатом веке в этом процессе немаловажную роль сыграло литературоведение, но, наверное, самый болезненный и сложный путь проделала историческая наука, в конечном итоге признав границы своей дискурсивной природы. Можно сказать, что история в этом процессе постепенно осознает себя историографией,² и даже несмотря на то, что историки до сих пор спорят о том, ограничивает ли историка простой факт, что познание в любом случае обусловлено его языковым оформлением или полное научное познание прошлого невозможно из-за объективных ограничений в доступности доказательств (коротко о полемике между «постмодернистами» и «традиционалистами» см. Mulalić: 53–54), все они согласны, что любая попытка научного описания в принципе уже не может претендовать на роль полного, объективного и неоспоримого изложения прошлого, и всегда остается ее вариантным отображением – т. е. *графией*.

В отличие от истории, география как наука номинально все время оставалась *графией*, но и в этом случае рефлексия процесса описания именно как описания (т.е. изображения чего-либо кем-либо на некоем языке моделирования) долгое время оставалась неосознанной, так как в западной научной традиции с ее истоками в Греции понятие *графия* прочно связывалось только с одним из значений греческого слова, исконно обозначающего как графическое, так и словесное изображение (*depiction*)

2

В классической работе начала 1990-х Дж. Дженкинс говорит о необходимости отличать в сфере исторического сознания прошлое от историографии. Несмотря на то, что во множестве языков (в том числе и в английском и русском) историки традиционно обозначают предмет своей науки и саму науку одним словом, Дж. Дженкинс предлагает «хорошую практику» обозначения деятельности историка и результатов его труда термином «историография» (Jenkins: 7).

действительности (см. Purves: 109). География жила идеей реально-го объективно существующего статического пространства, языки моделирования которого непосредственно вытекают из объекта изображения. Здесь отсутствует проблема субъекта описания и выбора языка моделирования, и поэтому «графия» в географии может быть истинной или ложной (т. е. изображающей реальное или выдуманное пространство), в разной мере соответствующей реальному пространству вследствие объективных ограничений (здесь в качестве примера можно привести постепенное усовершенствование картографии как способа двумерного изображения трехмерной поверхности) и очень разнообразной в зависимости от выбора предмета описания, но способ изображения традиционно воспринимается как нечто обусловленное выбранным объектом и самим пространством. Согласно Ю.Г. Тютюннику, который попытался определить философские основы географии как фундаментальной науки, специфическим предметом изучения географии «с помощью метода *графейн* [является] *locus*. География является наукой о бесконечности локализации» (Тютюнник: 55). Чтобы объединить бесконечный процесс локализации в цельное представление о пространстве, географии понадобилось второе представление – идея ландшафта (которая в свою очередь корнями также уходит в греческую традицию – см. ук. соч. 71–84), и эти два основных принципа определяют принципиально иную траекторию развития географии по отношению к истории. Хотя они развивались из одного корня, впоследствии они разошлись как в своем отношении ко времени (однаправленность исторического времени – вечность как временной контекст географии), так и относительно основного модуса *графии* (нарратив истории – карта/схема географии), но гибридная природа исторического

сознания, объединяющая прошлое и способы его дискурсивного осмысления, видимо, характерна и для самой географии. Ю.Г. Тютюнник в своей работе указывает на двойственность географического подхода к миру, на исконное напряжение между физико-математическим (в его определении это «дискурс») и художественным способом осмысления пространства (постижение «образами»). Эта двойственность характерна и для карты как своеобразного «дома бытия» географии, отражающего «специфику пути географического метода между Сциллой дискурса и Харибдой образа» (173). Видимо, единственной причиной, почему именно географии выпала роль спасительницы гуманитарных наук в эпоху кризиса вызванного лингвистическим поворотом, является мнимая независимость природы ее *графики* от специфики языкового постижения действительности: научный язык естествознания (т.е. то, что Ю.Г. Тютюнник обозначает понятием *дискурс*), наряду с не-языковой (в современных представлениях *графической*) образностью, казался той альтернативой, куда можно уйти от жанровой обусловленности любой формы гуманитарного познания. Но включение географии в поле зрения гуманитарных наук, только что прошедших длинный и бурный период рефлексии своей собственной дискурсивной обусловленности, конечно, не могло произойти при полной амнезии только что пройденного пути. Пространство – как до того история – в рамках этого сознания становится не объективной данностью, подлежащей описанию, а скорее, сложным многомерным контекстом, в котором пространство-время одновременно выступает как объект описания и как действительность, возникающая в результате бесчисленного множества попыток ее дискурсивного осмысления.

3

М. Юван как литературно-философские гибриды анализирует романтическую метапозитику, развитие жанра эссе, постмодернистскую метапрозу, а также литературизацию философии от Ницше до постмодернистской теории как Теории с прописной буквы (всепоглощающего трансдисциплинарного гуманитарного дискурса о всепоглощающем дискурсе; подр. см. Juvan 2017: 19–43).

СТЕРЕОСКОПИЯ И ГИБРИДЫ

Проблема гибридных дискурсивных форм является одной из важных тем литературоведения второй половины прошлого века. Идея М. Бахтина о том, что развитие современной прозы можно соотносить с процессами гибридизации разных языковых и жанровых традиций, оказала сильное влияние на современную теорию дискурса. Интерес к гибридным формам и постепенное стирание границ между художественной литературой и ее теоретическим осмыслением привели к ситуации, в которой довольно большую часть классического литературного наследия со времен раннего романтизма можно воспринимать как проявление гибридизации собственно литературного и теоретического (философского) способа постижения истин[ы]. В интересной монографии Марко Ювана литературный (художественный, образный, сингулярный...) и философский (теоретический, понятийный, универсальный...) способы познания согласно эстетике Алена Бадью принимаются как два равноправных, вариантных модуса дискурсивного усвоения истины или, скорее, разных истин, и эти два разных вида познания образовали за последние два столетия множество интересных гибридных форм, многие из которых являются важнейшими формами культуры и определяющими факторами ее развития.³ Именно литературно-философские гибриды сыграли решающую роль в процессах постепенного осознания дискурсивной обусловленности традиционного гуманитарного сознания, что в первую очередь относится к истории (т. е. историографии) как его универсальной основе. Основное преимущество гибридных форм дискурсивного осмысления заключается в сдвиге взгляда: смена оптики использованного дискурсивного аппарата позволяет увидеть объект

описания с разных ракурсов. Текст-гибрид в этом смысле всегда стерео- или даже мультископическое (вос)произведение, осознающее тот факт, что принципиально разные языки описания дают разные представления о познаваемом. Итоги осмысления стерео- или даже мультископической природы познания в гибридах, конечно, могут быть разными. В одном из крайних вариантов спор об истинности двух видов дискурсивного осмысления действительности решается в пользу одного из них, что приводит к подчинению несовершенного (неточного, обманчивого, ложного...) модуса описания более совершенному (в качестве примера приведем лишь отношение между поэзией и философией в период романтизма). Второй крайний вариант – это подчеркивание относительности любого модуса описания, получившее наиболее полное выражение в постмодернистской интерпретации лозунга «все позволено». Но между этими двумя крайностями существует и множество куда более интересных смежных вариантов, и в некоторых из них гибридная природа текста не имеет функции обнажения эпистемологической обусловленности познания, а используется с прямо противоположной целью — т. е. с целью утверждения истинности описываемого предмета. Ивановские литературно-публицистические гибриды, на наш взгляд, следует отнести именно к последним, и мы попытаемся это продемонстрировать на примере его «путеводителя» по реке Чусовой.

**НЕ-ОБЫЧНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ РАЗМЕРОМ
НЕ С ЛАДОНЬ И ТОЛЩИНОЙ НЕ В ПАЛЕЦ**

Книга *Message: Чусовая* связана с историческим романом *Золото бунта*, они вышли одновременно и построены около единого

тематического стержня легендарной уральской реки, и в этой стереоскопической паре роман — путеводитель обе части являются своеобразными литературно-псевдонаучными гибридами. Нами будет рассмотрена преимущественно публицистическая (условно говоря — научная) часть пары — путеводитель *Message: Чусовая*, и будут выделены его «литературные» характеристики, но предварительно стоит отметить, что и сама форма исторической фикции как основа романной части стереоскопической пары со времен осознания дискурсивной обусловленности истории как науки уже не воспринимается как художественный образ реальных или потенциально возможных исторических героев в конкретном историческом контексте (т.е. как имагинативный художественный, образный, сингулярный... способ постижения сути данного исторического периода). Онтологический статус исторической фикции и нон-фикшн историографии больше не является четко предопределенным, историческая имагинация становится частью инструментария исторической науки (об одном частном примере в британской историографии см. Mulalić) и исторический роман вполне вправе претендовать на роль одной из разновидностей «научного» осмысления истории. Частично или полностью воображаемая история становится неотъемлемой частью историографии как сложной системы коллективной организации сведений о прошлом, литературные факторы (в случае конкретного романа легко опознаваемые приемы мифологизации и жанров массовой культуры) здесь фигурируют наравне с классическими критериями историографии (воспроизведение документальных сведений, проверка исторических фактов...). Если ни один из двух способов постижения прошлого уже не может быть объявлен единственно верным, тогда (как одна из возможных альтернатив бесконечной

рефлексии их дискурсивной обусловленности) возникает принятие двойной перспективы, создающей полноту представления о прошлом.

Примерно такой же принцип соединения разных типов традиционного научного дискурса географии и историографии с художественными, литературными моделями осмысления объекта описания мы наблюдаем и в путеводителе *Message: Чусовая*. Книга внешне по всем параметрам полностью принадлежит к сфере нон-фикшн, в авторском предисловии мы даже встречаем аргументацию о релевантности объекта описания (река Чусовая как «носитель информации», как феномен «горнозаводской цивилизации»), здесь же мы находим и жанровую и/или методологическую характеристику текста. По словам автора, его книга не тоненький, выпущенный в Свердловске советский путеводитель «размером с ладонь и толщиной в палец» или авторское эссе о впечатлениях с чудесного речного маршрута, а попытка «комплексного описания феномена Чусовой» в рамках географического, исторического и социологического феномена горнозаводской цивилизации, которому автор несколько лет спустя посвятил отдельную книжку (см. Иванов 2014). «Не-обычный путеводитель» в введении представлен как попытка объективного («научного») географического и исторического описания самой значительной из уральских рек, но уже с самого начала Чусовая в тексте становится своеобразным героем самых разных жанров, в том числе и тоненького советского путеводителя и эссе-травелога.

В разных частях книги автор сознательно или неосознанно опирается и отчасти полемизирует с отдельными типами дискурсивного осмысления реки. Река первой части — это речной путь современного туристического маршрута, растянутый на все

4 В последних случаях примечателен часто полемический тон: нередко автор указывает на ошибки и непоследовательности в идентификации отдельных явлений и в топонимике (ошибочные названия отдельных бойцов, связывание преданий с неправильно указанной местностью...), видимо, стараясь окончательно разрешить все возможные дилеммы потенциального читателя — речного туриста.

5 «На 46-м км излучину Чусовой по левому берегу охватывает гряда утёсов бойца Винокуренный. По преданию, здесь находилась винокуренная изба — пункт производства самогона. Винокуренный почему-то очень полюбился екатеринбургским художникам. Он изображён на картине С. Тарасовой Винокуренный камень. Пасмурный день (1977 год) и А. Золотухина Камень Винокуренный (2003 год)» (Иванов 2007: 28).

протяжение реки от истока до устья. Географические сведения здесь в основном ограничиваются описанием того, что можно увидеть, путешествуя по течению реки, но наряду с основной информацией об отдельных достопримечательностях маршрута (в первую очередь о знаменитых камнях — *бойцах*), читатель встречает и великолепные авторские описания (своеобразные *словесные фотографии*) отдельных видов, выполненные в лучших традициях эссе-травелога, а также короткие исторические сведения, предания, связанные с разными этапами маршрута, и указания на художественные и научно-популярные тексты, в которых можно найти описания местности или географические и исторические данные о ней.⁴ По своей структуре первая часть книги — путеводитель по туристическому речному маршруту, большинство расширений можно отнести к дополнительной этнографической и исторической (краеведческой) информации, часто встречаемой в произведениях этого типа, некоторое ослабление жанровых рамок мы наблюдаем только в живописных словесных изображениях местных видов, но и их, в принципе, можно отнести к отсутствующим в книге фотоматериалам, также характерным для жанра путеводителя. Труднее объяснить сам факт этого медиального сдвига (фотография → слово). Дело, вероятно, не в чисто технических причинах (в качестве приложения, например, в книгу включены карты), а в ощутимой дискурсивной обусловленности словесного изображения, которая иногда подчеркивается и другими медиальными параллелями. В описании бойца Винокуренный словесное изображение внешнего вида, например, заменяет отсылка к двум картинам местных художников,⁵ и смысл такой отсылки отнюдь не в наглядном представлении внешнего вида (вряд ли автор мог рассчитывать

на то, что большинство его читателей знает эти картины). Эти отсылки — наряду с множеством других указаний на предания, легенды и книги — подчеркивают культурную, дискурсивную обусловленность любого, в том числе и туристического, описания любой местности.

Вторая часть книги под заглавием *Такая — одна* в свою очередь тоже является своеобразной контаминацией литературного (художественного) и географического (научного) описания. Объект изображения здесь, в первую очередь, характеризует оригинальность, неповторимость, незаурядность... Чусовая этой части — это героиня классической литературы: загадочная, обворожительная и, прежде всего, единственная, но для создания этого образа использованы разные, хоть и вполне традиционные «языки» (жанры, дискурсы, дисциплины...) географии: читатель здесь найдет гидрографию (единственная река, которая распространяется по обеим сторонам Уральского хребта), геологию (теснины Чусовой как окно в геологическое прошлое и редкая карстовая геология местности), климатологию и гидрологию (в главах *Мороз и солнце* и *От ледохода до ледостава*) и даже биогеографию (в главах о чудесных лесах и о — к сожалению, во многом *былом* — разнообразии и богатстве животного мира реки и ее берегов), но суммарный эффект этого научного стереоскопического описания далек от сухого научного объективизма. Довольно прочесть заглавия отдельных глав, чтобы убедиться — структурно здесь доминирует художественная модель осмысления героини произведения.

Если первые две части книги в основном связаны с географией, то начиная с третьей части, пространственный и в ландшафте четко отмеченный объект изучения теряет свою конкретность. Река современного Урала, потенциальный туристический маршрут,

пролегающий в пространстве, здесь уступает место иной героине — реке, текущей во времени. Если раньше исторические сведения в текст включались для дополнения представлений о современности, с третьей части книги река теряет четкую географическую направленность с востока на запад и как ось исторического смысла региона течет в глубь истории в двух разных направлениях (как своеобразный исторический маятник): со времен неандертальцев и кроманьонцев история на Чусовой течет с нашествием каждого нового народа, то из Сибири на запад, то в обратном направлении, и если смотреть глубоко в прошлое — это уже не история отдельных народов, в разные времена пришедших и осевших на берегах этой единственной реки, а бесконечные «круги кочевья» уходящие вглубь истории.

Чусовая последних пяти частей книги — это река времени: в третьей части (*Чусы, река священная*) она течет в далекое доисторическое прошлое региона, в четвертой (*Подданные белого царя*) — с запада на восток, постепенно становясь частью истории в современном представлении (частью *ойкумены* в представлениях ее будущего исторического осмысления), в пятой (*Горные заводы*) она способствует формированию культурно-исторической специфики региона, чтобы затем в шестой (*Железные караваны*) стать артерией, соединяющей «горнозаводскую цивилизацию» с остальным цивилизованным миром. Географический вектор исторического осмысления здесь снова меняется, Чусовая железных караванов снова течет с востока на запад, но это уже не разовое включение пространства в историю, а сводообразное циклическое общение востока с западом, когда река раз в год, во время половодья, дает возможность поставки продукции на запад. Чусовая времен железных караванов уже не просто явление ландшафта или речной путь вниз по течению, это феномен

горнозаводской цивилизации, объединяющий географию региона со сложной системой плотин и заводских прудов — т. е. с технологией.⁶ Объединив природу и цивилизацию, она становится идеальным воплощением идеи региона, поэтому в книге последняя глава, посвященная истории реки и охватывающая период от конца XIX в. по сей день, читается как своеобразный постскриптум (см. заглавие этой части — *Чья ты теперь, река теснин*). Река времен индустриального и постиндустриального общества теряет свою роль души и крови горнозаводской цивилизации, и вся последующая история региона — железные дороги, гражданская война, лесосплав, советские лагеря и т.д. — в книге представлена как разного рода насилие над истинной природой реки, как проявление непонимания ее истинного значения для региона в целом. То, что отмечается как потенциальное ее современное назначение, отсылает к историческому прошлому периода былой славы Чусовой: искусство региона интересно как проявление традиции старых «мастеров» разных технологий обработки камня и металла, а ее современный туристический потенциал, по словам автора, исходит из ее исторического назначения пути. Нельзя не отметить, что в самом конце книги автор связывает потенциальную привлекательность реки как туристического маршрута именно с неразрывностью пространственного и временного измерения этого пути:

Вот пройден маршрут, вот остались позади долгие вёрсты и непогода, вот забываются отмели, усталость и тяжесть весла в руках. И вдруг вы ощущаете, что душа ваша стала как-то чище, светлее, просторнее. Это потому, что она обрела новое измерение, новые связи — не только с пространством, но и со временем. Потому что тайна притяжения Чусовой не только в километрах и пейзажах.

6 Сплав продукции из-за гидрологии реки был невозможен даже во время высокой воды, поэтому уровень воды в реке на короткое время искусственно поднимался четко планированным сбросом воды из прудов при заводах.

Тайна Чусовой в обретении своего рода-племени... И вдруг начинаешь воочию видеть на хмурых скалах быстрые тени железных караванов, когда-то пронёсшихся мимо, а в разлёте облаков вдруг узнаёшь размах крыльев лебедей Ермака, вечно плывущих в синеве над Чусовой. (Иванов 2007: 468)

Основные дискурсивные рамки последних пяти частей книги несомненно связаны с историографией (в последней главе отчасти и с социологией), перед читателем «история одной реки», но, как мы попытались показать в коротком изложении очень разных пространственных моделей осмысления реки в разных исторических контекстах, это отнюдь не попытка простого хронологического изложения исторических событий, связанных с рекой.

Перед нами сложная многоуровневая пространственно-временная схема, объединяющая исторические факты и источники с суждениями в форме маленьких эссе с литературными штрихами. В ее основе лежит понимание истории как смыслового наполнения пространства, в определенной точке времени достигшего своего апогея и идеального воплощения в пространстве (применительно к горнозаводской цивилизации, это время железных караванов).

ФАНТОМНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ?

Оценка отдельных исторических явлений в топо-хронологическом осмыслении реки не зависит от отвлеченной идеологии, она связана с исторической идеей местности, порожденной рекой и воплотившейся в реке, и поэтому не удивительно, что в историко-идеологическом контексте в анализируемом произведении одновременно видят «уютное почвенничество», «возможную национальную идею»

и высказывания «с резко антиимперских, а иногда и с антиэтатистских позиций» (Кукулин 2007).

Мнимое несоответствие между прямыми публицистическими антиимперскими высказываниями автора (куда автор причисляет и суждения о русской истории в книге *Message: Чусовая*) и распространенным «патриотическим» восприятием его романов критиками И.В. Кукулин объясняет как результат идеологических противоречий, характерных для новой прозы А. Иванова и позволяющих критикам интерпретировать его романы «не как самодостаточные тексты, а как симптомы — знаки изменений в развитии литературы и общественных настроений» (*там же*). Он сам предлагает читать три романа А. Иванова как варианты «магистрального сюжета» перехода от истории к постистории,⁷ и если посмотреть также на необычный путеводитель не как на источник отдельных историософских высказываний автора, а как на цельное и многоуровневое «сообщение», та же формула, на наш взгляд, применима и к книге о Чусовой.

Марк Липовецкий (вслед за И.В. Кукулиным и с опорой на его идею магистрального сюжета в романах А. Иванова) считает, что романы А. Иванова в контексте развития культуры нулевых — это типичный пример т. н. *фантомного реализма*, одной из разновидностей гибридизации (пост)модерных и домодерных дискурсов идентичности:

[...] подчеркнуто отстраненный, как правило, квазиреалистический и даже квазидокументальный анализ странных, внутренние конфликтных гибридов архаических моделей самоидентификации и постмодерных дискурсов идентичности, зафиксированных авторами в культуре и социальном опыте современности.

7
Речь идет о романах «Сердце Пармы», «Золото бунта, или Вниз по реке Теснин» и «Блуда и МУДО».

Эти гибриды, как правило, воспринимаются писателями и персонажами как химеры и фантазмы, но тем не менее именно они воплощают не зависящую от сознания и восприятия автора или героя реальность, а вернее, фантастический текст реальности и порождаемых ею идентичностей. (Липовецкий: 521)

Для М. Липовецкого А. Иванов «симптоматичный представитель фантомного реализма», но наряду с этим отмечено, что:

[...] Иванов далеко не всегда справляется со своей собственной концепцией, соскальзывая то в домодерные (регионально-ксенофобные), то в раннемодерные (этатистские) идеологии, характерной чертой его версии фантомного реализма [...], является новое понимание истории, во многом окрашенное в тона постколониальной проблематики, переосмысляющей и отношения между имперским центром и периферией и заставляющей взглянуть на имперские победы с точки зрения «побежденных» — колонизированных народов и разрушенных цивилизаций. (523)

Здесь факт, что автор «не всегда справляется со своей собственной концепцией» противоречит идее об авторском осознании дискурсивного гибрида как «химер и фантазмов», и в этом романы А. Иванова существенно отличаются от фантастического реализма киносценариев В. Сорокина или современной мемуаристики. Гибридизация пост- и домодерных дискурсов идентичности здесь, вероятно, является результатом не программного, а во многом неосознанного, интуитивного соединения разных дискурсивных моделей осмысления, создающих эффект «постисторического» осмысления «малой» родины Урала и Приуралья (где очень

гармонично переплетаются на первый взгляд конфликтные идеи империализма и постколониализма). Это подтверждается и в нон-фикшн произведениях автора, где на примере его путеводителя легко убедиться, что «Message», читаемый в географическом пространстве и историческом осмыслении *реки-пути региона*, не сводится к отдельной идее, а воплощен в сложном дискурсивном сплетении, традиционно ассоциировавшемся с художественными произведениями. «Реалистичность» этого осмысления несомненно «фантомна» с точки зрения ее дискурсивного выполнения, но наряду с этим в путеводителе особо четко ощущается отсутствие — осознанное или невольное — авторской рефлексии «химер и фантазмов». ♣

Литература

- АБАШЕВ, В.В., 2012: *Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики: учеб. пособие*. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. Ун-т.
- АБАШЕВ, В.В., 2000: *Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе*. Пермь: Изд-во Пермского университета.
- АБАШЕВ, В.В., ФИРСОВА А.В., 2013: Творчество Алексея Иванова как фактор развития внутреннего туризма в Пермском крае. *Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология*. Выпуск 3(23). 182–190.
- ИВАНОВ, АЛЕКСЕЙ, 2014: *Горнозаводская цивилизация. Металлурги. Демидурги. Геофайлы. Самоцветы*. Москва: Аст.
- ИВАНОВ, АЛЕКСЕЙ, 2007: *Message: Чусовая*. Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- ИВАНОВА, И.Н., САЗОНОВА., А.С., 2017: Геопоэтика романа Алексея Иванова «Сердце Пармы». *Гуманитарные и юридические исследования 2017/3*. 184–188.
- КУКУЛИН, И.В., 2007: Героизация выживания. *Новое литературное обозрение 2007/86*. [<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/ku17-pr.html>] (<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/ku17-pr.html>)]
- ЛИПОВЕЦКИЙ, МАРК, 2008: Паралогии. Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов. Москва: НЛО.
- ТЮТЮННИК, Ю.Г., 2011: *Философия географии*. Киев: Издательско-печатный комплекс Университета «Украина».
- JENKINS, KEITH, 2004: *Re-thinking History. With a new preface and conversation with the author by Alun Munslow*. Routledge, Taylor & Francis e-Library.

- JUVAN, MARKO, 2017: *Hibridni žanri: študije o križancih izkustva, mišljenja in literature*. Ljubljana: LUD Literatura.
- JUVAN, MARKO, 2013: Prostorski obrat, literarna veda in slovenska književnost: uvodni zaris. *Primerjalna književnost* 36(2013)/2. 5-26.
- MULALIĆ, LEJLA, 2013: Redefining the Boundaries of Historical Writing and Historical Imagination in Carolyn Steedman's "Master and Servant: Love and Labour in the English Industrial Age". *English Language Overseas Perspectives and Enquiries* 10(2013)/1. 51-61.
- PURVES, ALEX C., 2010: *Space and time in ancient Greek narrative*. New York: Cambridge University Press.

Povzetek

V razpravi se posvečamo odnosu med umetniškim osmišljanjem dejanskosti v fikciji ter obravnavo stvarnost v dokumentarni, publicistični prozi v opusu sodobnega ruskega prozaista Alekseja Ivanova. Na primeru njegove dokumentarne monografije o uralski reki Čusova (2007) prikažemo, kako hibridizacija diskurzivnega osmišljanja sočasne in zgodovinske stvarnosti, ki jo drugi raziskovalci odkrivajo v avtorjevih romanih, ključno določa tudi njegovo neliterarno (dokumentarno, poljudnoznanstveno) prozo in na kakšne načine so ob tem preoblikovani tradicionalni »znanstveni« diskurzi zgodovinopisja in geografije.

Blaž Podlesnik

Blaž Podlesnik is an Assistant Professor of Russian Literature at the University of Ljubljana, Faculty of Arts. He has published works on classical and contemporary Russian literature and Russian cultural history.